

Дальше, теория всеобщей стачки, занимающая такое значительное место в этой концепции, также не является продуктом идейного творчества революционных синдикалистов, в чем читатель мог убедиться из главы, посвященной этому вопросу.

Наконец, выдвигание правового элемента и подчеркивание его необычайного значения может быть отчасти рассматриваемо, как логическое развитие взглядов, сформулированных у Прудона в его книге „De la capacité politique des classes ouvrières“.

Эклектический характер революционного синдикализма не может, следовательно, представлять сомнений. Его достоинства и недостатки суть достоинства и недостатки разнородных элементов, из которых он образовался.

Теория революционного синдикализма, как уже было указано в введении, явилась результатом кризиса в марксизме, или, что еще недавно было почти одно и то же, в международном социализме, которого, за весьма редкими исключениями, марксизм составлял все идейное содержание. Марксизм давал стройную схему исторического процесса, намечал этапы, через которые должно неминуемо пройти общественное развитие, указывал определяющие его направления факторы и провозглашал, что в силу присущих ему „железных законов“, оно неизбежно приведет истрадавшееся человечество к социалистической организации общества. Пока марксистская теория казалась в соответствии с действительностью, пока жизненные факты не встали в полное противоречие с ее важнейшими положениями, социализм не нуждался, как казалось, ни в каком другом моральном оправдании. Социализм, по мнению его теоретиков и adeptов, опирался на непреодолимую экономическую эволюцию, являясь идейным обобщением, синтезом этой эволюции и, следовательно, с полным правом мог, по видимому, называться научным, а социалисты могли спокойно относиться к будущему.

Возникшее в последнее десятилетие ревизионистское течение, подвергшее коренному пересмотру теорию Маркса, не преминуло разбить эту иллюзию, по крайней мере для всех тех, в ком привязан-

ства в революционном захватить власти, революционные же синдикалисты видят эту роль в том, что меньшинство своей решительностью, смелостью и энергией, увлекает за собою массы как раз для разрушения власти. Здесь была бы умна скорей аналогия с русской идеалистической или „субъективно-социологической“ школой, которая также придает огромное значение действиям меньшинства; но для нее эти действия заключаются главным образом, в идейном просветлении масс, в том, чтобы сделать свой идеал идеалом большинства. Дальше, наши деятели вовсе не исходят из таких антидемократических предположений, из которых исходят революционные синдикалисты, обосновывая своей взгляд на роль меньшинства тем, что равенства и равноценности людей фактически не существует, и что наиболее сильные и ценные люди могут составлять только меньшинство, дающее массам импульс, но само не получающее от масс никакого импульса. (См. E. Pouget. Les bases du syndicalisme).

ность к догме не умертвила живой критической мысли. Стало ясно, что главнейшие предсказания Маркса не оправдались и не оправдаются, что они совершенно расходятся с объективными данными, добытыми путем индуктивного изследования социальных явлений. Таковы теория обнищания, теория периодических кризисов, теория дифференциации классов, знаменитое „расслоение“. Можно бы указать также на одно чрезвычайно важное обстоятельство выяснившееся в последнее время, которое наносит серьезный удар марксову прогнозу, а именно, все большее и большее замедление в экономической эволюции некоторых капиталистических стран, стоящих на далеко неодинаковых ступенях капиталистического развития. Примеры Англии и Франции в данном случае является чрезвычайно поучительными. Этот пример показывает, что социализм вовсе не обладает свойством непрерывно развиваться, пока он дойдет до того предела, когда развившаяся в нем сила „разорвет свою оболочку“. В силу условий мирового рынка, экономическое развитие какой нибудь страны может остановиться прежде, чем в ней капитализм успел проявить свои положительные стороны: концентрацию, пролетаризацию и т. д. (если только допустить, что вообще развитие его может иметь следствием эти явления). Перед западно-европейскими критическими социалистами встала, поэтому, важная, неотложная задача: подвести под социализм *новый теоретический фундамент*, найти ему *моральное оправдание* и указать те силы, которые могут быть движущими пружинами социалистической борьбы. Какое же решение получила эта задача?

Некоторые социалисты попрежнему остались формально марксистами, но, в целях примирения теории с практикой, пытаются расширить марксистские догмы, стереть их острые углы, ввести в них более соответствующее фактам содержание, одним словом, влить вино новое в мехи старые. Типичным представителем этого направления является Вандервельд и отчасти также австрийский социалдемократ Адлер. Другие социалисты, имеющие мужество признать крушение марксистских „пророчеств“, увлеченные вихрем повседневной борьбы, ничего не сделали до сих пор, чтобы обосновать теоретически свой идеал. Сами родоначальники ревизионизма и их последователи, вместе с всей в марксизм, потеряли и вступили в самый социализм (в том смысле, в каком он заслуживает своего названия). Раз, — рассуждают они, — социальная и экономическая эволюция не совершается по тому плану, который начертал Маркс, то значит, и наступление социализма отходит в туманную даль, в область сомнительных вероятностей. А потому: „движение — все, а конечная цель — ничто.“ Эта точка зрения, против которой ополчились ортодоксы, является, между тем, продуктом *чисто марксистского* мышления и основана на марксистском же воззрении, ожидающем общественной трансформации от